

«Одна заживу, сама с собой»¹

Варианты:

Пусть одна я буду жить...

Я одна пойду, сама с собой

Заживу одна, сама с собой

.....

¹ Название («Ора ора дэ хитори игумо») — фраза на диалекте Тохоку и одна из строк стихотворения поэта Миядзава Кэндзи «Утро последнего прощания».

1

Ох, видать, нынче с головой моей неладно, как же нам быть-то, как же я одна-то теперь?

Так ли, эдак ли, да уж ничего не поделаешь.

Коли рукой махнуть, да и все тут, чаво ж ты так к сердцу-то?

Ничаво. Я сразу за тобой пойду, мы ж с тобой до конца — неразлейвода.

Оханьки мои, да кто ж ты таков?

Да уж и так ясно. Коли я, то ты. Коли ты, то я.

Говор Тохоку, неприкрытый, обнаженный, лился из недр ее тела, как будто прорвал дамбу и теперь вырвался наружу. Момоко-сан слушала этот голос и пила чай. Хлюп-хлюп. Хлюп-хлюп.

Где-то позади лившегося прямо в ее мозг голоса слышался другой, смутный шум. Шур-шур, шур-шур...

В тишине ее комнаты такое шуршание — приметный звук, неожиданно громкий. Громче, чем можно подумать.

Шуршание доносилось откуда-то из-за спины Момоко-сан, из-за спинки стула, прямо с места между холодильником и полками с посудой. Как будто кто-то играет магазинными полиэтиленовыми пакетами. Неприятный звук. Прямо уши режет.

Шур-шур, шур-шур...

При этом у Момоко-сан нет ни малейшего желания куда-то встать — она просто пьет чай, подстраиваясь под ритм этого шуршания. Хлюп-хлюп...

Происхождение этих звуков она и так знает, можно не оборачиваться.

М-Ы-Ш-И.

Прошлой осенью, когда умер старый пес, проживший вместе с ней шестнадцать лет, под крышей, да и под половицами закипела бурная жизнь. Мыши захватили обе горизонтальные поверхности дома, а вот сегодня, например, пришли вот так — прямо среди бела дня.

Они, конечно, осторожничают, наверное, опасаются Момоко-сан, которая все-таки первая здесь поселилась, но вообще производят, похоже, совершенно увере-

ны в своем праве производить различные шумы.

Мыши приходили и уходили через дыру в полу, которая была в углу комнаты, что-то грызли, скреблись. У Момоко-сан не хватало смелости посмотреть на них, но к звукам она привыкла и воспринимала спокойно. Да и вообще, в доме, где, кроме Момоко-сан, нет совершенно никого, ценны любые звуки. Сначала они сильно ей мешали, но сейчас стоило вообразить, что комната без этих звуков погрузится в пугающую мертвую тишину, ей становилось страшно.

Слегка поворачивая чашечку для зеленого чая, она отпила глоток, потом, крепко ухватив чашку пальцами и ощущая ее уютную согревающую силу, отпила еще глоток, наконец, по инерции отпила третий. Вот так она пьет чай. Почему-то смотрит на свои руки. Да, изношенные руки. Она помнит, как в детстве гладила тыльную сторону бабушкиной ладони, терла, тянула и даже ущипнула ее однажды. Толстая кожа, словно приклеенная на костлявую руку с проступавшими венами, удивительным образом растянулась.

Бабушка сказала, что это небожно, да это и небожно, действительно... Теперь

эти руки лежат перед ней. Не думала, что этот день настанет.

Голос лился в потолок, ничего не задевая. Она обвела взглядом неизменную старую комнату.

Комната вся — застарело-желтоватая, будто окрашенная луковой шелухой. Раздвижные бумажные двери *сѣдзи* выходят на южную сторону, перед ними от стены к стене натянута веревка. На веревке висело летнее платье с короткими рукавами, рядом с ним — зимняя куртка, одежда из химчистки, так и оставшаяся в полиэтиленовом чехле, банные полотенца, юбка с неаккуратно погнутой молнией (может быть, ее только что надевали), рядом висели в ряд четыре сушеные хурмы, напротив — половина перевязанного бечевкой засоленного лосося, который, потеряв равновесие, качался из стороны в сторону, хотя никакого ветра не было. Просветы, возникавшие из-за колебаний лосося, были словно прошиты блеклыми мартовскими лучами солнца.

На западной стороне — шкаф со стариковской одеждой, посудные полки (разбитая дверца была починена паутинкой из скотча), на холодильнике явно пытались

удалить наклейку, прилепленную ребенком, но сдались на середине. На восточной стороне — раскладушка, глубокий эркер, в нем — телевизор, на который, как нить на шпульку, намотан провод, рядом — мешок мандаринов, недопитая бутылка, канцелярские принадлежности, торчащие из пустой банки ножницы, разные виды клея, и в довершение всего — большое настольное зеркало.

На полу, местами вытертом, навалены кучи старых книг и мелочей. У северной стены комнаты — раковина, рядом громоздятся кастрюли и сковородки, а стол на четверых, у которого устроилась Момоко-сан, завален всякой всячиной, за исключением кусочка, который она протерла наскоро рукавом, будто отвоевав место, чтобы уместить котелок, заварочный чайник, чашку и печенье к чаю. Оставшиеся три стула тоже полностью использовались как склад вещей.

В комнате царил жуткий бардак, но тем не менее то ли это был островок порядка посреди беспорядка, то ли результат лучше, чем название, — но устроена она была так практично, что удовлетворяла всем потребностям: в крыше над головой, в еде и

одежде. Возможно, так удобнее жить — и такое впечатление могла произвести эта комната. Ну, это уж от человека зависит...

Конечно, в доме была не только эта комната. Рядом имелась гостиная и другие достойные помещения, но с давних времен все они использовались под склад, и жить можно было только в спальне на втором этаже и в этой комнате. Иногда ей не хотелось даже подниматься на второй этаж в спальню, и она в поношенных штанах, вытянутых на коленках, кричала: «Что ночная пижама, что утренняя — все одно!» и устраивалась на раскладушке.

Тем временем Момоко-сан по-прежнему потягивает чай. За ее спиной по-прежнему слышится знакомое шуршание.

Хлюп, шур-шур. Шур-шур.

Хлюп, шур, хлюп, шур, хлюп-шур, хлюп-шур.

Вдобавок к этому в голове раздается:

Коляютоты, колитытоя, коляютоты, колитытоя, коляютоты...

Ничем не стесненные, эти то ли звуки, то ли голоса лились изнутри ее и приходили извне, сталкивались на низких частотах, накладывались друг на друга, создавая настоящую джазовую импровизацию.

Правда, не то что бы Момоко-сан разбирается в джазе. У нее нет никаких знаний о музыке в целом. Но все же она чувствует себя перед джазом в каком-то особенном долгу. Когда Момоко-сан испытала горе, пусть это и было такое горе, что часто встречается в этом мире, для нее оно стало огромнейшим потрясением, как будто мир перевернулся вверх ногами, — и в тот момент, когда она дрожала, задавленная своим несчастьем, по радио передавали джаз. Она уже тогда не воспринимала музыку со словами. Классика же только усиливала печаль. И тут она услышала джаз. Она не знала, что это за композиция и чья она, но почувствовала, будто ее голову, уже готовую разорваться от горя, резко ударили изнутри.

Окружавшая ее печаль улетучилась.

У нее как-то сами собой задвигались руки, ноги застучали по полу, она стала крутить бедрами — и не успела опомниться, как уже танцевала словно сумасшедшая. Это был вольный танец, только для себя, такой танец, когда движения становятся единым целым с джазовым ритмом. Это было здорово. Тогда стоял дождливый день, шли оползни, и в полутемной ком-

нате только прямые солнечные лучи попадали в щель между закрытыми противощтормовыми ставнями и преодолевали раздвижные двери. Момоко-сан не забыла, как двигалась тогда, с таким неистовством, что ей стало жарко и тяжело дышать, и как, стянув одну за другой все одежды, она, совершенно голая, танцевала перед новеньким буддийским алтарем...

На родине Момоко-сан не говорят «меня вырвало». Говорят «меня вывернуло».

«Выврало» звучит слабовато. А во втором слове разве не прячутся сила и воля?

Момоко-сан, пусть и на краткое мгновение, отринула свое горе. Буквально «вывернула» его из себя. Она была благодарна джазу за это. Но в то время она стеснялась перед людьми. Пыталась казаться меньше. Сейчас Момоко-сан ругает себя за проявленное тогда малодушие. Надо было включить радио погромче, растворить ставни настежь и, выставив свое тело на свет божий, плясать от души!

Так али не так?

Сейчас, даже если внутри и снаружи у нее будет джаз, она уже не сможет так двигаться. Да что говорить, сейчас у нее на левой руке дрожит кончик указательного

пальца, придерживающий чашечку с чаем. Не хочется думать, что годы так дают знать о себе.

И вообще, сейчас главный предмет, занимающий ее мысли, не джаз. Что же это?

В голове все как-то смутно. Ей кажется, что она должна о чем-то подумать, но не может вспомнить о чем. Что ж...

Момоко-сан и сама это замечала. Что мысли прыгают. Нить теряется, и обрывки мыслей оказываются то тут, то там, бегают туда-сюда, их и не ухватить.

Стареешь, мать? Да нет. Нехорошо сваливать все, что с тобой происходит, на возраст.

Ну, тогда все из-за этого... из-за долгой жизни домохозяйкой.

Это еще что значит? Почему однообразная, рутинная жизнь домохозяйки должна стать причиной ее прыгающих мыслей?

Постепенно у Момоко-сан в голове формировались разные дискуссионные площадки: один голос спросит, другой ответит. Пол и возраст этих различных голосов неизвестны, вдобавок они говорят на разных языках. Она стала мало двигаться, и... нет, именно из-за того, что она стала мало двигаться, в последнее время голоса в ее